

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ¹⁾.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

Я не выспрашивалъ²⁾ подробно его мыслей ни по какому вопросу, не считая себя въ правѣ и не возбуждая подозрѣній насчетъ моихъ видовъ. Однако же, если бы я вывелъ заключеніе изъ моихъ наблюденій, то подумалъ бы, не ручаясь за вѣрность предположенія, что самое удобное время пригласить Моро на службу Россіи теперь, когда, послѣ отъѣзда жены, онъ оказался въ полномъ уединеніи, способномъ возбудить страсть къ войнѣ.

Говоря о бездѣятельной жизни Моро, я не разумѣю, чтобы у него не было никакихъ занятій. Онъ по-прежнему обрабатываетъ поля, строитъ мельницы и т. под., но это не можетъ поглощать всѣхъ умственныхъ его способностей.

Лишь только зайдетъ рѣчь о войнѣ, какъ выказывается геркулесъ, несмотря на веретено. „Вѣроятно, поѣздка въ Европу г-жи Моро послужила поводомъ къ слухамъ о возможности примиренія ея мужа съ Наполеономъ. Поэтому Дашковъ счелъ нужнымъ приписать къ своему донесенію: „развѣ какое-нибудь чудо могло бы примирить Моро съ Наполеономъ. Первый не скрываетъ своего мнѣнія о Бонапартѣ, а у второго такъ много даже здѣсь шпионовъ, которые слѣдятъ за Моро“³⁾.

Рапатель, по пріѣздѣ въ Россію, былъ принятъ въ нашу службу, состоялъ въ Ригѣ при Эссенѣ и потомъ при маркизѣ Паулуччи и принималъ участіе въ переговорахъ съ ген. Горкомъ. Онъ постоянно увѣдомлялъ Моро о ходѣ военныхъ дѣйствій, и его извѣстія способствовали вѣрному его взгляду на

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1913 г.

²⁾ Т.-е. Дашковъ, нашъ посланникъ при Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Ред.

³⁾ Филадельфія 1—13 іюля 1812 г.

нихъ, хотя его опытность въ военномъ дѣлѣ и знакомство съ характеромъ Наполеона не могли ввести въ заблужденіе лживые до наглости бюллетени великой арміи и повѣствованія французскихъ газетъ. Нельзя при этомъ случаѣ не обратить вниманія на то обстоятельство, что сношенія Россіи съ Америкой, несмотря на военныя дѣйствія, зависѣли отъ медленности сообщеній въ то время. Моро судилъ о происшествіяхъ, уже давно совершившихся, когда положеніе дѣлъ измѣнялось и, несмотря на то, его общій взглядъ на значеніе этого похода императора Наполеона былъ совершенно вѣренъ. Письма къ нему Рапателя поддерживали постоянныя сношенія Моро съ нашимъ посланникомъ. Онъ сообщалъ ему выдержки изъ нихъ и содержаніе своихъ отвѣтовъ. „Чрезвычайныя происшествія совершились въ Россіи, писалъ онъ Рапателю. Великій человѣкъ тамъ значительно умалился (*Le grand homme s'y est bien rapetissé*). Кромѣ безумія идти въ Москву и оставаться тамъ лишнихъ три недѣли, какъ я могъ замѣтить по его бюллетенямъ и донесеніямъ Кутузова, мнѣ кажется, что Бонапартъ еще въ Смоленскѣ сбился съ толку (*à perdu la tête*), гдѣ онъ не долженъ былъ оставаться болѣе одного дня, но поспѣшилъ перейти Днѣпръ и прикрыть себя этою рѣкою, если онъ нуждался въ остановкѣ, что впрочемъ я считаю ошибкою. Разнесся слухъ, что Бонапартъ умеръ. Это было бы самое для него лучшее при подобныхъ обстоятельствахъ. У кого не хватаетъ силы убить самого себя, тотъ не достоинъ той доли славы, на которую онъ изъявляетъ притязанія. Онъ не находится въ положеніи зависимаго генерала, которому возможно предписать подобныя безумныя дѣйствія, и самые замыслы и ихъ исполненіе принадлежатъ ему одному. Онъ захватилъ бы себѣ всю славу, если бы послѣдовала удача, поэтому и позоръ безъ раздѣла принадлежитъ ему одному, и только низкій человѣкъ (*lache*) можетъ пережить его. Остается лишь пожалѣть о несчастныхъ жертвахъ этой безумной и нечеловѣческой гордости. Это могло бы послужить урокомъ, но никто имъ не воспользуется“.

„Вся кампанія въ Россіи особенно отличается неблагоразуміемъ и ошибками, какъ при движеніи впередъ, такъ и при отступленіи, которыхъ я никакъ не могу согласить съ опытностію Бонапарта въ военномъ дѣлѣ. Онъ игралъ, какъ балованное дитя, которое ничего не считаетъ невозможнымъ для своей звѣзды, но сѣверная звѣзда его провела. Я не могу вообразить, какой будетъ конецъ этой ужасной трагедіи“. „Мнѣ

кажется, что Москва, писалъ онъ въ то же время нашему посланнику, будетъ камнемъ преткновенія, о который должны разбиться всѣ смѣшныя и безумныя притязанія. Судьба Карла XII должна бы послужить урокомъ для Бонапарта; впрочемъ, никогда ошибка не наказывалась строже. Остается лишь оплакивать невинныя жертвы этого гигантскаго и кроваваго предпріятія“.

Черезъ мѣсяць онъ писалъ Дашкову: „я получилъ очень любопытныя письма отъ Рапателя, хотя о происшествіяхъ, предшествовавшихъ отступленію отъ Смоленска къ Вязьмѣ. Последнее изъ Риги отъ 26 октября, въ которомъ онъ извѣщаетъ о поступкѣ генерала Горка, а первое изъ Петербурга, писанное въ то время, когда Кутузовъ разбилъ Мюрата. Большое несчастіе для человѣчества, что низкому творцу всѣхъ этихъ бѣдствій одному удалось избѣжать гибели его войскъ. Онъ можетъ еще много надѣлать зла, пока еще сильно его вліяніе, прибрѣтенное терроромъ на слабыхъ и несчастныхъ французовъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что онъ столько же бѣжалъ отъ своихъ раздраженныхъ солдатъ, сколько и отъ копей вашихъ казаковъ. Французскіе плѣнные въ Россіи должны быть сильно раздражены отъ постигшей ихъ судьбы и горѣтъ желаніемъ мести. Если бы значительное число этихъ несчастныхъ согласилось высадиться подъ моимъ начальствомъ на берега Франціи, я увѣренъ, что отъ меня не ускользнулъ бы Бонапартъ. Впрочемъ, я помню поступокъ при Квиберонѣ и знаю, какія слѣдуетъ принимать предосторожности, чтобы избѣжать подобнаго“.

Въ то время, когда Дашковъ ожидалъ наставленій отъ нашего правительства, а самъ не рѣшался дѣлать предложеній о вступленіи въ нашу службу, Моро сдѣлалъ первый шагъ къ исполненію его видовъ. Правъ ли онъ былъ, предполагая, что ему наскучитъ бездѣятельная жизнь въ Америкѣ, тогда какъ на материкѣ Европы совершались великія событія, или былъ еще правѣе другой изъ нашихъ дипломатовъ, гр. Воронцовъ, который предвидѣлъ, что Моро рѣшитъ не возвратиться къ военной дѣятельности противъ своего противника только тогда, когда счастье начнетъ измѣнять ему, но во всякомъ случаѣ вопросъ, такъ давно занимавшій наше правительство, приблизился къ разрѣшенію.

Впрочемъ, ближайшій поводъ къ предложенію своихъ услугъ Моро объясняетъ слѣдующимъ образомъ въ томъ же письмѣ къ Дашкову: „я рѣшаюсь съ такой откровенностію говорить

съ вами, послѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщилъ мнѣ Рапатель о послѣдствіяхъ аудіенцій, которыя благоволилъ даровать ему русской Императоръ“¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что при представленіяхъ Рапателя, Государь выразилъ ему то уваженіе и къ личному характеру Моро и къ его военнымъ дарованіямъ, которыя онъ постоянно сохранялъ, но, конечно, не поручалъ ему передать отъ его имени его генералу приглашеніе пріѣхать въ Россію.

Иначе Моро прямо увѣдомилъ бы объ этомъ нашего посланника, да и Дашковъ получилъ бы въ то же время наставленія отъ нашего канцлера.

Послѣ отрицательнаго отвѣта на такое предложеніе въ 1807 году, ни личное достоинство Государя, ни достоинство имперіи, которое онъ бережно и строго охранялъ, несмотря на любезность и мягкость въ отношеніяхъ съ частными лицами, конечно, не позволили бы ему вновь начать рѣчь по этому вопросу. Но уполномочить нашего посланника къ дѣйствию въ этомъ случаѣ, по его собственному почину, безъ сомнѣнія, не только могло, но и должно было наше правительство, одобрявъ разумныя его соображенія и дѣйствія. Предписанія, въ отвѣтъ на его депешу канцлера нашей имперіи Дашковъ получилъ почти въ одно время съ приведеннымъ письмомъ отъ Моро. „Я почитаю себя крайне счастливымъ, отвѣчалъ онъ графу Румянцеву, что Государь Императоръ одобрилъ мой образъ дѣйствій. Да оправдаетъ моя ревность къ службѣ то лестное мнѣніе, которое вы изволили выразить обо мнѣ, заслужить которое я постоянно стремился. Согласно съ предписаніями, выраженными вашимъ сіятельствомъ, я немедленно отправился въ Филадельфію, чтобы повидаться съ г. Моро. Я нашелъ его въ самомъ лучшемъ расположеніи, онъ готовъ бы немедленно оставить Америку, если бы не ожидалъ извѣстій отъ своей супруги, которой онъ уже нѣсколько разъ писалъ, чтобы она выѣхала изъ Франціи. Впрочемъ, онъ далъ мнѣ замѣтить, что можетъ выѣхать и прежде полученія отъ нея письма. Но его отправленіе можетъ, однако же, встрѣтить нѣкоторыя затрудненія: потому, во-1-хъ, что въ настоящее время нѣтъ ни одного *нейтральнаго* корабля, который шелъ бы прямо на сѣверъ и, во-2-хъ, что онъ желаетъ, чтобы здѣсь никто не зналъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, объ его отплытіи.

¹⁾ Нью-Йоркъ 2 марта 1813 г.

Генераль нѣсколько разъ мнѣ выражалъ желаніе отправиться на русскомъ корветѣ, чтобы удобнѣе скрыть свой отъѣздъ и не попасть въ Англію“. Но русскаго корвета не было въ Америкѣ, и ожиданіе его прибытія слишкомъ замедлило бы отъѣздъ Моро, а потому нашъ посланникъ, извѣщая объ этомъ желаніи, прибавилъ, что онъ будетъ ожидать его только въ томъ случаѣ, если не представится никакого другого удобнаго способа выѣхать изъ Америки. „Исполняя предписанія гр. Румянцева, нашъ посланникъ предложилъ вопросъ генералу Моро: на какихъ условіяхъ онъ вступилъ бы въ нашу службу?“ Я питаю такое глубокое довѣріе къ лицу русскаго Императора, отвѣчалъ онъ, что никогда не позволю себѣ предложить какія бы то ни было условія“¹⁾. Но еще прежде свиданія въ Филадельфія, нашъ посланникъ немедленно извѣстилъ письмомъ Моро о содержаніи въ полученныхъ имъ депешахъ изъ Петербурга, на которыя онъ отвѣчалъ: „я не задумался бы ни на одну минуту немедленно оставить Америку, если бы моя жена и мои дѣти, которыя находятся въ Европѣ, не могли бы подвергнуться варварству челоуѣка самаго низкаго и самаго жестокаго, какой когда-либо существовалъ“. Эту заботу о своемъ семействѣ онъ выражалъ при свиданіи съ Дашковымъ²⁾ въ Филадельфія и, соображая, когда его супруга могла получить хотя бы одно изъ его писемъ, полагалъ, что не можетъ выѣхать ранѣе іюня мѣсяца. Спустя около мѣсяца, онъ увѣдомилъ, что получилъ письмо отъ своей супруги, говоря, что „она очень хорошо понимаетъ мое положеніе и проситъ непременно извѣстить ее, прежде нежели оставить Америку. Отправивъ къ ней разными способами нѣсколько писемъ, я долженъ выждать мѣсяць послѣ ихъ отправленія“, писалъ онъ, „чтобы дать ей возможность убѣжать отъ преслѣдованій, которыя будутъ тѣмъ жесточе, чѣмъ опаснѣе будетъ признано для общаго врага мое присутствіе въ Европѣ. Мнѣ невозможно и думать оставить Америку ранѣе начала іюня, что, впрочемъ, почти соотвѣтствуетъ тому, какъ мы съ вами условились. Продолженіе военныхъ дѣйствій на сѣверѣ Европы принимаетъ почти такое направленіе, какъ я предвидѣлъ, но необходимо остановиться на нѣкоторое время не вслѣдствіе сопротивленія, которое можетъ сдѣлать Бонапартъ вашимъ арміямъ и тѣмъ союзнымъ, которыхъ онъ приобрѣтутъ, но вслѣдствіе чрезвычайнаго утомленія и для приведенія въ

¹⁾ Вашингтонъ 27 мая—8 апр. 1813 г.

²⁾ Дашковъ 13 марта, Моро 21 марта 1813 г.

порядокъ военныхъ средствъ арміи, которая зимою совершила такія необыкновенныя движенія, какихъ не много примѣровъ представляетъ исторія ¹⁾).

Отправляясь въ Европу, онъ желалъ избѣжать остановки въ Англіи, конечно, признавая ее не только врагомъ Наполеона, но и Франціи и желалъ причалить къ Готтенбургу, чтобы проѣхать оттуда въ Стокгольмъ для свиданія съ Бернадотомъ и потомъ въ Петербургъ или въ главную квартиру русскаго Императора.

„Такъ какъ я долженъ быть неизвѣстнымъ лицомъ на кораблѣ, на которомъ вы меня отправите“, писалъ онъ Дашкову, „то необходимо, чтобы вы вмѣстѣ со мною отправили кого-нибудь съ вашими депешами, кто бы сопровождалъ меня потомъ отъ Готтенбурга до Петербурга. Г. Свиньинъ былъ постояннымъ посредникомъ всѣхъ нашихъ сообщеній, поэтому я очень радъ, что вы на него обратили вниманіе для этой цѣли. Полагаю, что Императоръ одобритъ ваше распоряженіе, а я лично приношу вамъ за него искреннюю благодарность“.

Свиньинъ, извѣстный впоследствии дѣятель, былъ въ это время помощникомъ нашего консула (Г. Козлова) въ Филадельфіи. Онъ уже давно былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Моро.

„Пріѣхавши въ Америку, говоритъ онъ, я почелъ первымъ долгомъ познакомиться съ этимъ Велизаріемъ нашего вѣка, старался заслужить его благорасположеніе, его дружбу, довѣренность и впоследствии часто имѣлъ случай видѣть его въ разныхъ отношеніяхъ частной его жизни, всегда достойнымъ великаго имени и заслуживающимъ приверженность его сосѣдей, которые не называли его иначе, какъ *нашъ добрый Моро*“.

Свиньинъ питалъ къ нему глубокое уваженіе и преданность. Конечно, молодому русскому человѣку пріятно было послѣ долгаго отсутствія побывать на родинѣ, но еще пріятнѣе быть спутникомъ Моро, избраннымъ по его указанію. „Завтра мы подыдемъ парусъ“, писалъ въ послѣдній разъ г. Моро нашему посланнику 8-го іюля ²⁾, и я надѣюсь, что не опоздаемъ прибытіемъ къ мѣсту нашего назначенія. На другой день вышелъ изъ Гельдъ-Чета корабль Аннибалъ, „лучшій ходокъ изъ судовъ американскаго торговаго флота“, по свидѣтельству Свиньина, и увезъ Моро и его спутника изъ Америки въ Европу.

¹⁾ New-York 26 апрѣля и 1 мая 1813 г.

²⁾ Нью-Йоркъ 20 іюля 1813 г.

Нашему посланнику успѣшно удалось исполнить, предупредивъ даже своимъ вызовомъ желаніе императора. Ни стойкая тайная позиція Наполеона, ни начальникъ его шпионовъ, т. - е. его посланникъ въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ Серюрье, которыхъ, не безъ основанія, такъ опасался Моро, ничего не знали о совершившемся событіи. Дашковъ съ самимъ Моро отправилъ письмо къ гр. Румянцеву: „я сочту себя *безконечно* счастливымъ, писалъ онъ, если это письмо будетъ имѣть честь достигнуть вашихъ рукъ, потому что я посылаю его съ самимъ г. Моро, который вызвался его доставить вамъ. Этотъ знаменитый военачальникъ, обладающій и всѣми добродѣтелями просвѣщеннаго гражданина, преданнаго своему отечеству, исполненъ ревности и проникнутъ удивленіемъ къ нашему августѣйшему монарху“. Онъ полагаетъ, что только онъ можетъ спасти Францію отъ конечной гибели, и выражаетъ преданность государю, внушаемую ему какъ его нравственными качествами, такъ и любовью къ его угнетенному отечеству. Нашъ посланникъ исполнилъ и другое порученіе правительства. Гр. Румянцевъ, по непосредственно выраженному императоромъ желанію, поручалъ просить Моро, чтобы тотъ свои соображенія о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ изложилъ на письмѣ. При свиданіи въ Филадельфіи Моро немедленно согласился и спустя нѣсколько времени прислалъ ему записку. „Предстоящая кампанія въ срединѣ Европы, писалъ онъ, не можетъ открыться ранѣе іюля мѣсяца. Было бы неблагоприятно допустить хотя бы одинъ французскій корпусъ въ Пруссію, и, если невозможно ихъ отбѣснить за Рейнъ, то, по крайней мѣрѣ, отбросить за Эльбу, чтобы обезпечить для себя содѣйствіе всѣхъ прусскихъ войскъ. Великая выгода прогнать французовъ за Рейнъ состояла бы въ томъ, чтобы воспользоваться какъ людьми, такъ и продовольствіемъ въ Ганноверѣ, Гомелѣ и вообще въ прилегающихъ къ нему областяхъ. Нельзя не принять въ соображеніе, что чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ должно замедлить ихъ движеніе, но не слѣдуетъ останавливать его совершенно. Было бы большою ошибкою дать время французамъ собраться и, получивъ подкрѣпленія, остановить свое отступленіе. Должно избѣгать осадъ, замедляющихъ движеніе, требующихъ употребленія большого количества войскъ и стоящихъ многихъ жертвъ. Должны быть оставляемы лишь наблюдательные корпуса, почти равные численности гарнизоновъ, а съ открытіемъ навигаціи въ Балтійскомъ морѣ поставить флотилію противъ Данцига, и блокирующія войска вынудятъ его къ сдачѣ. Если

Австрія оставитъ Бонапарта въ предстоящей войнѣ, то его положеніе будетъ весьма плохо. Если она ограничится такими военными дѣйствіями, какъ въ прошлую кампанію, и поставитъ готовые корпуса для вторженія куда ей заблагоразсудится и особенно въ Италію, то его положеніе не будетъ лучше. Неужели Австрія рѣшится на новыя усилія въ пользу человѣка, который наиболѣе сдѣлалъ ей зла? Это не вѣроятно. Рекруты, которыхъ набиралъ Бонапартъ во Франціи, не будутъ солдатами и останутся недовольными. Они будутъ драться порядочно только въ томъ случаѣ, если его войска будутъ составлены наполовину изъ старыхъ солдатъ; а старые солдаты остались у него только въ Испаніи. Оставитъ ли онъ эту страну? Это лучшее, что бы онъ могъ сдѣлать. Но люди въ его положеніи принимаютъ обыкновенно полу-мѣры, что, вѣроятно, онъ и сдѣлаетъ. Не опасаясь испанцевъ и принимая во вниманіе, что лорду Веллингтону отчасти не удалась кампанія и что его войска страдаютъ отъ болѣзней, онъ вырветъ, вѣроятно, 50 или 60 тыс. изъ Испаніи, чтобы изъ нихъ вмѣстѣ съ конскриптами и образовать новое войско. Съ этимъ-то, очевидно, посредственнымъ войскомъ онъ попытается въ Германіи *не раздѣлять*, конечно, русскія войска; но вести такую войну, чтобы пріучать къ дѣйствіямъ новыхъ солдатъ и воспользоваться ошибками противниковъ, нападая на слабыя части. Диверсія наиболѣе ужасная, которая должна уничтожить его власть и возвратитъ Франціи и Европѣ миръ и спокойствіе, должна быть, сдѣлана съ плѣнными, находящимися въ Россіи. Полковникъ Рапателъ, можетъ быть, съ успѣхомъ употребленъ для набора ихъ. Надо только заручиться 30 или 40 тысячами изъ болѣе недовольныхъ офицеровъ и солдатъ, которыхъ не должно быть трудно найти. Они должны ненавидѣть того, который такъ плохо руководилъ ихъ въ самомъ безумномъ и смѣшномъ предпріятіи, которое когда-либо бывало, и презирать того, кто низко оставилъ ихъ въ то самое время, когда его дарованія могли быть наиболѣе имъ полезны. При этомъ устройствѣ плѣнныхъ чрезвычайно важно принимать вполнѣ надежныхъ офицеровъ и устранять льстецовъ гвардейцевъ и вообще всѣхъ, которымъ онъ особенно покровительствовалъ. Всѣ эти люди должны быть расположены близъ береговъ Балтійскаго моря подъ надзоромъ русскихъ офицеровъ, которые бы хорошо знали по-французски и, обращаясь, съ образованными изъ нихъ, открыли бы тѣхъ, которые вступаютъ лишь потому, чтобы избѣжать тюрьмы или съ еще болѣе опаснымъ намѣреніемъ выдать своихъ товарищей. Но эти лица должны быть

удалены передъ самымъ исполненіемъ предпріятія, иначе они будутъ осторожны. Имъ надо объяснить, подъ чьимъ начальствомъ они будутъ дѣйствовать во Франціи противъ одного лишь Бонапарта, и что миръ будетъ послѣдствіемъ ихъ подвиговъ. Чрезвычайно важно, чтобы первыя прокламаціи, по вступленіи во Францію, убѣдили народъ, что послѣ смерти тирана послѣдуетъ общій миръ на частныхъ основаніяхъ.

Если Испанія совершенно очищена, то войска лорда Веллингтона должны быть переправлены въ Германію, и тѣ же суда перевезутъ во Францію французскія войска, назначенныя тамъ дѣйствовать. Если же, напротивъ, англійскія войска останутся въ Испаніи, чтобы дѣйствовать противъ находящихся тамъ французскихъ войскъ, то необходимо собрать достаточное число транспортныхъ судовъ — русскихъ, шведскихъ, англійскихъ, чтобы взять эти войска оттуда, гдѣ они будутъ собраны, чтобы немедленно перевезти на берега Фландріи ближе къ Парижу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ Бонапартъ, съ лучшими и наиболѣе ему вѣрными войсками, пойдетъ противъ этой арміи, поэтому-то она должна быть сильна, а между тѣмъ надо, чтобы ее считали менѣе сильною, нежели бы она была въ дѣйствительности. Необходимо напередъ приготовить достаточное количество оружія для этихъ войскъ. Оно должно быть испытано и сложено въ крѣпостяхъ невдалекѣ отъ Балтики. Ружья могутъ быть розданы только передъ началомъ дѣйствія. Для безопасности можно употребить канонеровъ, привести въ порядокъ артиллерию и необходимые заряды.

Такъ какъ Польша и сѣверная Германія, вѣроятно, истощены въ отношеніи лошадей, то ихъ можно пріобрѣсти въ Англии въ достаточномъ количествѣ, которыя заблаговременно должны быть поставлены на суда, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить экспедицію, лишь только она выйдетъ изъ Сѣвернаго моря, чтобы войти въ проливъ.

Эта экспедиція должна имѣть такое вліяніе на успѣхъ военныхъ дѣйствій и приблизить заключеніе мира, что, безъ сомнѣнія, англійское правительство будетъ всѣми способами помогать русскому императору. Его главною цѣлью должно быть—уничтоженіе Бонапарта, что безусловно нужно. Второю—учрежденіе правительства, которое должно быть послѣ него, что должно быть послѣдствіемъ соображеній людей честныхъ и умѣренныхъ. Пока существуетъ Бонапартъ, нельзя въ этомъ отношеніи дѣлать никакихъ заявленій; онъ воспользуется малѣйшею нескромностью, чтобы напугать ту партію, которая будетъ не согласна съ тѣмъ

образомъ правленія, какое захотятъ установить. Надо дать поводъ каждой партіи надѣяться на осуществленіе ея желаній. Если провозгласятъ побѣду въ пользу прежде царствовавшей династіи, то тѣ, которые приобрѣли національныя имущества, нѣкоторые изъ республиканцевъ и многіе изъ эмигрантовъ, оставившіе своего прежняго государя и служившіе новому, будутъ устранены. То же будетъ и въ отношеніи всѣхъ другихъ, которымъ Бонапартъ укажетъ на Робеспьера и якобинцевъ, если бы захотѣли установить республику въ одномъ изъ тѣхъ видовъ, въ которыхъ она являлась уже во время революціи. Нужно заявить только ненависть къ тирану, миръ, умѣренность, полнѣйшее снисхожденіе ко всѣмъ мнѣніямъ въ отношеніи къ той формѣ правленія, которую бы захотѣли установить.

Вся Франція, которая ненавидитъ современное положеніе дѣлъ, вѣроятно, не имѣетъ опредѣленнаго понятія о честности того, кто предприметъ эту экспедицію. Никакія личныя притязанія не руководятъ его дѣйствіями. Возвратить миръ Европѣ и счастье Франціи—вотъ единственная цѣль его предпріятія. Наслаждаться подъ сѣнью либеральнаго правительства плодами своихъ трудовъ—вотъ единственное его желаніе.

Онъ надѣется, что препятствія, которыя не дозволяютъ ему немедленно явиться въ Россію, скоро будутъ устранены. Тогда онъ не потеряетъ ни одной минуты, чтобы ѣхать для полученія приказаній русскаго государя и содѣйствовать, подъ его покровительствомъ, прекращенію того ужаснаго положенія, въ которое бѣшенство одного человѣка привело Европу. Если бы по какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эта экспедиція не удалась, то предводители, которые останутся въ живыхъ, возлагаютъ всю свою надежду на русскаго императора. Конечно, онъ не будетъ имѣть болѣе вѣрнаго и преданнаго слуги, какъ сочинителя этой записки“.

Такое несбыточное, не соотвѣтствовавшее обстоятельствамъ времени предположеніе, какъ вторженіе во Францію во главѣ французскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Россіи, со стороны опытнаго и благоразумнаго военачальника, какъ Моро, могло бы смутить историка и невольно заподозрить его дарованія, если бы оно не объяснялось особенными обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился въ это время. Съ одной стороны его долгое пребываніе въ Америкѣ, недостаточныя и часто невѣрныя извѣстія, которыя изрѣдка доходили до него изъ Франціи и вообще Европы, и весьма понятное, хотя преувеличенное преврѣненіе ко лжи и обманамъ всѣхъ извѣстій французскаго

правительства препятствовали ему ясно понимать положеніе дѣлъ. Онъ зналъ о томъ недовольствѣ своимъ правительствомъ, которое дѣйствительно существовало во Франціи, зналъ о томъ, что Германія тяготится игомъ, наложеннымъ на нее, и желала бы, чтобы кто-нибудь избавилъ бы ее отъ этого ига, зналъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ противниковъ Бонапарта; но издали всѣ эти обстоятельства въ глазахъ его утрачивали свои дѣйствительные размѣры. Онъ не испытывалъ и не понималъ, какъ человѣкъ, не утратившій чувства личнаго человѣческаго достоинства, такъ же какъ и вся Россія, того паническаго страха, которымъ была объята Европа и особенно Германія до самыхъ вершинъ своего государственнаго устройства, смотря на Наполеона, какъ на сверхъестественную силу, противъ которой можетъ дѣйствовать только—Провидѣніе. Онъ понималъ, что французскія войска возвращены подъ властью Бонапарта; но степень этого возвращенія ускользала отъ его пониманія, устраняемая тѣмъ порывомъ, которымъ его глубокая любовь къ отечеству скрывала отъ него дѣйствительное положеніе дѣлъ. Бескорыстный и честный, онъ не понималъ, какое можетъ оказать вліяніе *грабежъ*, составлявшій принадлежность наполеоновыхъ войскъ, и безумное обогащеніе и почести, расточаемыя ихъ предводителямъ, прикрываемыя понятіями о славѣ, сіяніемъ которой покрываетъ ихъ великій человѣкъ, который очень хладнокровно говорилъ саксонскому королю, что онъ имѣетъ возможность въ предстоящей войнѣ съ Россіею *расходовать* по 85 тысячъ человѣкъ въ мѣсяць.

Любовь къ отечеству замѣнялась у нихъ понятіемъ о славѣ, предъ которой преклонялось ихъ отечество, а творецъ этой славы былъ Наполеонъ. Несмотря на всѣ бѣдствія, плѣнные французы оставались ему преданы и, конечно, не могли составить арміи, которая подъ начальствомъ дѣйствовала бы противъ Наполеона, вторгнувшись въ предѣлы Франціи.

Отправивъ записку, составленную для русскаго Императора, онъ, кажется, самъ началъ сомнѣваться въ своемъ предположеніи и обратился за совѣтомъ къ наслѣдному шведскому принцу. Со времени изгнанія изъ Франціи онъ не имѣлъ никакихъ сообщеній съ своимъ бывшимъ другомъ и товарищемъ по оружію, маршаломъ Бернадотомъ. Въ 1812 г. онъ узналъ изъ письма г-жи Сталь, находившейся въ это время въ Стокгольмѣ, въ ея американскимъ знакомымъ, что онъ помнитъ Моро, желалъ бы видѣть его и просилъ передать ему приглашеніе пріѣхать въ Стокгольмъ. Воспользовавшись этимъ обстоя-

тельствомъ, Моро написалъ къ нему пространное письмо, въ которомъ изложилъ свои намѣренія по приглашенію русскаго Императора пріѣхать въ Европу и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона и свои предположенія.

„Послѣ позорнаго пораженія, писалъ онъ, французской арміи въ Россіи, ея предводитель не избѣгнетъ двухъ упрековъ—въ безуміи и низости и сдѣлается посмѣшищемъ Европы и предметомъ негодованія для французовъ, и я думаю, что не сохранить власти чудовищной и опасной для Европы, унижительной и тираннической для Франціи. Благопріятное время, о которомъ мы часто говорили, избавить отъ этого низкаго и наглого насильника (*usurpateur*), кажется, приблизилось, но если не принять участія въ переворотѣ и ограничиться ожиданіемъ, то онъ еще много можетъ надѣлать зла. Несмотря на безумныя предпріятія, онъ болѣе понимаетъ войну, нежели тѣ, которые до сихъ поръ дѣйствовали противъ него. Выведа почти всѣ свои войска изъ Испаніи, отправивъ туда Фердинанда VII, что избавить его отъ необходимости держать много войска на этой границѣ, онъ можетъ къ іюню мѣсяцу собрать отъ 250 до 300 тысячъ человекъ и противопоставить сильное сопротивленіе, особенно если найдетъ поддержку въ австрійскомъ домѣ“.

Надежда на противодѣйствіе, которое навѣрно встрѣтила бы новая конскрипція безъ достаточной силы привести ее въ исполненіе, утратится, если движеніе войскъ Испаніи, проходя почти по всѣмъ направленіямъ внутри Франціи, будетъ согласовано съ наборомъ этой конскрипціи. Тогда старые полки, привыкшіе къ войнѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, усиленные и пополненные конскриптами, набору которыхъ они будутъ содѣйствовать, пойдутъ противъ войскъ Россіи и ея союзниковъ, которыхъ она можетъ пріобрѣсти въ Германіи.

Не полагаете-ли вы, что между плѣнными французами въ Россіи найдетъ достаточное количество офицеровъ и солдатъ, раздраженныхъ тѣмъ, что ими жертвовали въ продолженіе столькихъ лѣтъ властолюбію и жадности ихъ вождя на счетъ народонаселенія и средствъ ихъ отечества? Послѣдняя кампанія къ ожесточенію должна прибавить еще чувство презренія, и я полагаю, что между ними надо искать основы, которая должна составить точку опоры для переворота, который слѣдуетъ произвести какъ можно скорѣе. Я помню исходъ экспедиціи при Квиберонѣ, предпринятой съ плѣнными, но я полагаю, что теперь иныя обстоятельства и гораздо болѣе благопріятныя. Первые сражались противъ свободы ихъ страны, подъ знаменемъ,

которое они ненавидѣли, эти напротивъ будутъ сражаться, чтобы избавить Францію отъ тиранніи, самой унижительной, которая когда-нибудь тяготѣла на какомъ-либо изъ новыхъ народовъ. Можно ли имѣть довѣріе къ тому, какъ они будутъ драться, если бы пришлось прибѣгнуть къ этому способу? Я понимаю всѣ выгоды государства, существующаго уже десять лѣтъ, и несочувствіе драться съ войсками уже признанной власти, какая бы чудовищная и какая бы незаконная она ни была. Но, если ненависть, которую питаютъ всѣ состоянія и во всѣхъ частяхъ Франціи, такова, какъ говорятъ, то она можетъ поддержать ненависть плѣнныхъ и заставить дѣйствовать противъ императорскаго правительства, какъ наибольшаго врага народа. Если это такъ, на какія средства для исполненія можно рассчитывать? Найдется ли достаточное число охотниковъ между плѣнными, чтобы можно рѣшиться на предпріятіе. Согласится ли русскій Императоръ? Стараться ли проникнуть во Францію подъ защитою русскихъ войскъ и не лучше ли сдѣлать высадку на берега Пикардіи или Нормандіи? Послѣдній способъ я считаю болѣе выгоднымъ“.

Говоря далѣе о намѣреніи въ половинѣ іюля, по предложенію Императора Александра Павловича, оставить Америку и ѣхать въ Россію, онъ пишетъ: „я готовъ проникнуть во Францію во главѣ французскихъ войскъ, но я не скрою отъ васъ, что мнѣ бы не хотѣлось идти туда во главѣ войскъ иностранныхъ... Но какое правительство слѣдуетъ установить, если будетъ разрушено существующее? Я не знаю, какіе господствуютъ взгляды въ этомъ отношеніи въ странѣ, которую *роялизировали* въ продолженіе десяти лѣтъ. Что же касается до меня, то я совершенно свободенъ и безъ предразсудковъ въ этомъ отношеніи, и если народъ захочетъ Бурбоновъ,—съ которыми у меня не было и тѣни никакихъ сношеній, несмотря на пресловутый заговоръ, я отдалъ бы охотно правленіе въ ихъ руки, съ условіями, обеспечивающими личную свободу французовъ, которая могла бы быть поддержана посредствующими учрежденіями, достаточно сильными для того, чтобы остановить жадность куртизановъ. Я, признаюсь, думаю, что это единственный выходъ. До меня доходятъ слухи, что они послали агентовъ въ Петербургъ, быть можетъ, въ надеждѣ заманить нѣкоторыхъ французовъ. Я не имѣю никакого желанія драться подъ этимъ знаменемъ, которое до сихъ поръ не было счастливо въ своихъ предпріятіяхъ, и притомъ я никогда не сдѣлаюсь орудіемъ личной мести, какой бы ни было“.

Въ этомъ письмѣ къ Бернадоту Моро повторяетъ тѣ же предположенія, какія выразилъ въ запискѣ, составленной для русскаго Императора, но въ иномъ уже видѣ; въ видѣ вопросовъ, что доказываетъ закравшееся уже сомнѣнiе въ возможности привести ихъ въ исполненiе. Но въ томъ же письмѣ онъ, какъ мы видѣли, говоритъ: „я готовъ проникнуть во Францію во главѣ *французскихъ* войскъ, но не скрою отъ васъ, что мнѣ бы не хотѣлось идти туда во главѣ войскъ *иностранныхъ*“. Мысль—внушенная благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ, которая, вѣроятно, была понята и встрѣтила сочувствiе со стороны Бернадота. Онъ, доведя въ 1813 г. свои войска до Рейна, за которымъ думалъ видѣть уже Францію, считалъ свое участiе въ войнѣ противъ Наполеона оконченнымъ и не пошелъ далѣе. Моро, какъ истаго француза, отвращала мысль вторгнуться вооруженною силою въ свое отечество во главѣ иностранныхъ войскъ. Но гдѣ же было взять французскихъ войскъ, которыя бы Моро повелъ въ предѣлы Франціи для того, чтобы избавить ее отъ тираннiи Наполеона? Конечно, ихъ не было, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ незнанiемъ дѣйствительнаго настроенiя умовъ во Франціи и Европѣ, навело его на мысль о французскихъ плѣнныхъ, бывшихъ въ Россіи!

VIII.

Почти мѣсяцъ продолжалось плаванiе Моро. Отъ береговъ Америки, до самыхъ высотъ Готтенбурга, говоритъ его русскій спутникъ, не встрѣтились мы ни съ однимъ кораблемъ, имѣя постоянно попутный вѣтеръ и бывъ окружены туманами, которые, казалось, покровительствовали намъ отъ французскихъ и американскихъ корсаровъ, отъ которыхъ мы должны были опасаться всего непрiятнаго. Я замѣтилъ это генералу, прибавивъ, что, кажется, „Провидѣнiе взяло насъ подъ свою защиту“. Во время плаванiя Моро сохранялъ спокойствiе, большую часть времени посвящалъ любимому своему занятiю—чтенiю; но, конечно, его смущала неизвѣстность, удалось ли его супругѣ съ дочерью во-время удалиться изъ областей, находившихся подъ влiянiемъ власти Наполеона. Еще въ Америкѣ онъ получилъ отъ нея извѣстiе, которое возбуждало его подозрѣнiя и опасенiя. „Моя жена, писалъ онъ къ нашему посланнику, которую самымъ безчеловѣчнымъ образомъ правительство Наполеона въ первыхъ числахъ сентября (1812 г.) заставило сѣсть на корабль, чтобы оставить Францію, хотя правительственные док-

тора засвидѣтельствовали, что ея здоровье требуетъ пользова-
нія водами Баража, вдругъ получила дозволеніе оставаться
во Франціи, но получила его уже въ Бордо¹⁾. Чувствомъ ве-
лнкодушія Наполеона къ своему семейству Моро, конечно, не
могъ объяснить такого распоряженія, которое дѣйствительно
получаетъ особое значеніе въ виду обстоятельствъ, которыхъ
онъ еще не зналъ. Слухъ о возвращеніи Моро въ Европу
давно носился въ ней. Ревность ли тайной Наполеоновою по-
лиціи, подозрѣвавшей этотъ случай, подала поводъ къ такому
слуху, или явныя заявленія Бернадота, которыя онъ поручалъ
г-жѣ Сталь прямо довести до свѣдѣнія Моро; но онъ существовалъ
и былъ извѣстенъ Наполеону. Получивъ во время отступленія изъ
Москвы въ Дорогобужѣ извѣстіе о попыткѣ генерала Моле произ-
вести государственный переворотъ, онъ прежде всего обратилъ
вниманіе на Лагоріе, который принималъ въ немъ участіе и
прежде служилъ подъ начальствомъ Моро и спрашивалъ о немъ
генерала Лабуассьера, который зналъ всѣхъ лицъ, бывшихъ подъ
его начальствомъ. Съ этимъ временемъ совпадаетъ отмѣна
строгаго предписанія г. Моро выѣхать изъ Франціи и дозволіе
остаться въ ея предѣлахъ. 20 іюля корабль „Аннибалъ“ подошелъ
къ берегамъ Норвегіи и сошелся съ англійскимъ фрегатомъ
„Гемодрай“. Когда Свиньянъ пріѣхалъ на фрегатъ и объявилъ
капитану Чатону, что на американскомъ кораблѣ находится
генераль Моро, капитанъ немедленно сѣлъ въ катеръ и отпра-
вился къ нему съ предложеніемъ услугъ. Но онъ оказалъ ему
особенно извѣстіемъ, что его супруга и дочь уже находятся въ
Англии...²⁾

Оканчивался первый періодъ военныхъ дѣйствій въ Гер-
маніи, когда Моро прибылъ къ русскимъ войскамъ въ глав-
ную квартиру императора. Совершилось много важныхъ про-
исшествій, которыя не соотвѣтствовали предположенію Моро,
что новая кампанія можетъ начаться не ранѣе іюля мѣсяца.
Ошибочныя понятія о положеніи дѣлъ внутри Франціи и Гер-
маніи объясняютъ его предположенія, основанныя на томъ,
что императоръ Наполеонъ ранѣе этого срока не могъ составить
новой арміи, способной противустоять русскимъ съ ихъ сопер-
никами. Между тѣмъ уже къ половинѣ апрѣля онъ не только
составилъ огромную армію, но и привелъ ее на поприще во-
енныхъ дѣйствій. Конечно, какъ опытный военный начальникъ,

¹⁾ Нью-Йоркъ, 11 февраля 1812 г.

²⁾ Письмо Моро изъ Готенб. къ Императ. Гл. Архивъ. Сутемъ 1813.

Моро не думалъ, какъ и никто изъ современниковъ даже французовъ, чтобы жалкіе остатки великой арміи, прогнанные за Нѣманъ нашими войсками, могли доставить кадры для новой арміи Наполеона, дѣйствовавшей въ 1813 году¹⁾. Опытные, закаленные въ народной и самой ужасной войнѣ солдаты испанской арміи, вызванные оттуда, дали Наполеону возможность устроить кадры его новой арміи съ незначительною помощью тѣхъ боевыхъ силъ, которыя были разсѣяны внутри Франціи, въ Германіи и Италіи. Конечно, эта новая армія Наполеона была *посредственная*, по выраженію Моро, не имѣла соотвѣтственной ея численности конницы и артиллеріи; но она значительно превышала численность войскъ союзниковъ и ею предводительствовалъ Наполеонъ. Между тѣмъ русскія войска, совершивъ, повторяемъ слова Моро, такое преслѣдованіе, какому едва-ли можно найти примѣръ въ исторіи, утомленные и въ незначительномъ количествѣ перешедшія границы, едва могли оборонять линію Вислы. Войдя въ Пруссію, они могли продолжать наступательныя дѣйствія не иначе, какъ въ союзѣ съ этою державою, вмѣстѣ съ ея войсками. Присоединеніе корпуса Горка, возбужденіе восточной Пруссіи подавали надежду на скорое заключеніе этого союза; но нерѣшительность короля на цѣлый мѣсяцъ затянула дѣло его заключенія и тѣмъ затруднила и приостановила военныя дѣйствія. При томъ прусскія войска были слишкомъ незначительны по количеству, новыя вооруженія, хотя и быстро составлявшіяся, во всякомъ случаѣ, требовали времени. Если бы союзныя войска и могли отбросить за Рейнъ остатки великой арміи и незначительные отряды, находившіеся въ Германіи, какъ предполагалъ Моро, то эти замедленія со стороны Пруссіи вынудили ограничиться линіей Эльбы. Но и тутъ новые союзники были поставлены въ затруднительное положеніе въ виду количества войскъ, которое превышали французскія арміи и особенно потому, что кончина фельдмаршала кн. Кутузова поставила вопросъ о выборѣ главнокомандующаго, который три раза въ этотъ годъ былъ разрѣшаемъ неудовлетворительно. Чтобы не потерять значеніе, союзники должны были продолжать военныя дѣйствія, а между тѣмъ надѣяться на вѣрный успѣхъ они могли только въ томъ случаѣ, если бъ Австрія приступила къ ихъ союзу.

¹⁾ Это ни на чемъ не основанное мнѣніе измышлено впервые г. Бергарди, и, вѣроятно, нечаянно повторено у генерала Богдановича. Это послѣднее обстоятельство только и вынуждаетъ меня, хотя и мимоходомъ, упомянуть о немъ.

Потерянные сраженія при Бауценѣ и Люценѣ вынудили ихъ къ отступленію къ границамъ Богеміи.

Австрія еще болѣе, нежели Пруссія, медлила приступить къ союзу съ Россіею, но по инымъ причинамъ. Родственныя связи умалили тотъ паническій страхъ, подъ вліяніемъ котораго находился прусскій король, и въ то же время возбудили въ императорѣ Францѣ участіе къ династіи отъ его дочери. Даже Б. Штейнъ, который постоянно совѣтовалъ императору Александру Павловичу насильно заставить прусскаго короля войти въ союзъ съ Россіею, не давалъ подобныхъ совѣтовъ въ отношеніи Австріи. Народныя движенія въ Пруссіи, которымъ сочувствовали войска, отчасти оправдывали его совѣты; но подобнаго расположенія, на которое опирался Б. Штейнъ въ 1813 г., не было въ это время. Но войска дрались не охотно за Наполеона и образъ дѣйствій въ 1812 г. кн. Шварценберга не многимъ отличался отъ дѣйствій Юрка. Коварство вѣнскаго кабинета сдѣлалось такою историческою аксіомою, что его видятъ повсюду, не принимая въ соображеніе ни обстоятельствъ, ни степени коварства.

Во всякомъ случаѣ политика вѣнскаго двора и въ 1813 г. была продолженіемъ прежней и въ отношеніи къ Россіи даже сдѣлала шагъ впередъ къ соглашенію. Поддерживая увѣренія въ добромъ къ ней расположеніи, гр. Меттернихъ увѣрялъ императора Наполеона въ искреннемъ желаніи поддержать союзъ съ Франціею, но уже на иныхъ условіяхъ—вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Союзный договоръ прошлаго года, по которому Австрія помогала Наполеону въ войнѣ противъ Россіи только 35 тысячнымъ корпусомъ войскъ, онъ считалъ утратившимъ силу, по окончаніи войны въ предѣлахъ Россіи; новый еще не былъ заключенъ, а между тѣмъ, сохраняя союзныя отношенія, онъ предлагалъ посредничество Австріи для заключенія мира между воюющими сторонами и чтобы посредничество Австріи получило вѣсь, она поспѣшно усиливала свои боевыя средства. Смыслъ такого предложенія, очень ясно понятый Наполеономъ, долженъ былъ возбудить его гнѣвъ гораздо болѣе, нежели прямое объявленіе войны. Австрія уходила изъ-подъ его власти, его подручница выступала какъ независимое государство и желала дѣйствовать, хотя бы и въ его пользу, но какъ самостоятельная держава. Въ такомъ образѣ дѣйствій онъ усмотрѣлъ величайшее коварство вѣнскаго кабинета. „Вѣнскій кабинетъ заблуждается: напрасно Меттернихъ считаетъ интригу политикою. Политика дѣйствуетъ въ виду

опредѣленной цѣли, у интриги нѣтъ этой цѣли, и она вовлекаетъ въ противорѣчащія одно другому дѣйствія. Такимъ представляются императору дѣйствія вѣнскаго кабинета. Онъ хитритъ; но всѣ его коварства обращаются ему же во вредъ. Между тѣмъ, дѣйствуя прямо и соображая желанія со своими силами и средствами, онъ достигъ бы исполненія своихъ видовъ". Чтобы съ ложнаго пути вывести политику вѣнскаго двора на прямой путь, онъ употреблялъ устарѣлое средство; не нужно особой предусмотрительности, чтобы понять, что такія пронырства одинаково возбуждаютъ отвращеніе какъ Императора Александра, такъ и Наполеона и могутъ побудить ихъ войти въ прямыя соглашенія между собою. Увлекаясь заднимъ числомъ, такою мыслию, онъ писалъ: „стоитъ только отправить посольство въ русскую главную квартиру, и вселенная будетъ раздавлена на двѣ половины (*une mission au quartier-général Russe partagerait le monde en deux*)¹⁾. Но русскій императоръ, что очень хорошо было извѣстно Наполеону, не вошелъ бы въ прямыя сношенія съ нимъ, ни Европа не повѣрила бы въ это время въ силу того пугала, которое возбуждало въ ней страхъ вслѣдъ за союзомъ и миромъ, заключеннымъ Россію съ Францію въ Тильзитѣ. Конечно, подобное средство, употребленное политикою Наполеона въ отношеніи къ Австріи, оправдываетъ все коварство вѣнскаго кабинета въ отношеніи къ такому противнику, съ которымъ и нельзя было дѣйствовать другими способами, если сила обстоятельствъ еще позволяла выйти противъ него съ оружіемъ въ рукахъ. Но совершенно иначе онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Россіи, если принять въ соображеніе его сношеніе чрезъ своихъ уполномоченныхъ съ главною квартирою императора, помимо нашего посланника графа Штакельберга. Желаніе стать на сторону союзниковъ подтверждается и тайными сношеніями въ это же время, начатыми съ Англією. Если тестъ императора Наполеона, какъ онъ выражался въ письмахъ къ нему, можетъ быть искренно, желалъ сохранить корону своему внуку,—то вѣнскій кабинетъ едва-ли принималъ въ расчетъ при своихъ дѣйствіяхъ и это обстоятельство. Но почему же онъ медлилъ приступать къ союзу съ Россією и Пруссією? Потому, что весьма естественно не желалъ находиться въ томъ же положеніи, какъ Пруссія, народонаселеніе которой смотрѣло на русскаго императора и его войска такъ, какъ будто они были гораздо болѣе ея войсками,

¹⁾ Гордонъ, 368.

нежели своего короля. Какъ въ отношеніяхъ къ Наполеону, пользуясь гибелью великой арміи, она прямо выразила притязанія на свободу въ дѣйствіяхъ и самостоятельность великой державы, такъ и въ отношеніи къ Россіи, которая являлась спасительницею Германіи и потому естественно ожидала ея содѣйствія; но даже Пруссія торговалась, Австрія же, конечно, желала поддержать такое же положеніе. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, нужно было составить такую военную силу, которая могла бы придать значеніе и въ случаѣ нужды поддержать это желаніе. Лишившись почти трети своихъ владѣній, уничтоженная, ограбленная Наполеономъ, она не могла, при совершенномъ разстройствѣ финансовъ, скоро приготовить и поставить въ военное положеніе значительное войско. Это обстоятельство было причиною того, что она медлила разорвать союзъ съ Франціею и присоединиться къ Россіи, а эта медленность въ свою очередь давала ей уже съ этого времени преобладающее значеніе въ судьбахъ Европы, которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ постоянныхъ сраженіяхъ уменьшались большія средства воюющихъ сторонъ, а ея собственныя увеличивались. Поддерживать преобладающее значеніе надъ такими силами, какъ Россія, сокрушившая Наполеона съ его великою арміею, и этимъ титаномъ, передъ которымъ трепетала подобострастнымъ страхомъ вся континентальная Европа, было дѣло нелегкое. Но, разгадавъ положеніе дѣлъ, вѣнскій кабинетъ побѣдилъ это затрудненіе.

Союзники не считали возможнымъ безъ участія Австріи нанести рѣшительный ударъ Наполеону и потому естественно соображали съ этою цѣлію военныя движенія и употребляли всѣ способы, чтобы привлечь ее къ союзу. Притомъ русскія войска ожидали прибытія значительныхъ подкрѣпленій, вооруженія Пруссіи еще не были окончены. Они согласились на заключеніе перемирія и открытіе мирныхъ переговоровъ въ Прагѣ, при посредничествѣ Австріи. Но что вынудило императора Наполеона, послѣ одержанныхъ успѣховъ, вступить въ переговоры на такихъ условіяхъ, которыхъ онъ принять не могъ, не отказавшись почти отъ всѣхъ своихъ завоеваній и всякаго притязанія на владычество надъ Западною Европою. Едва-ли Моро не вѣрнѣе другихъ понялъ его положеніе, полагая, что съ арміею неопытною и составленною преимущественно изъ молодыхъ конскриптовъ онъ не предприметъ кампаніи съ намѣреніемъ нанести рѣшительный ударъ союзникамъ, но съ тою прежде всего цѣлію, чтобы приучить къ войнѣ

свои неопытныя войска и дополнить ихъ составъ, особенно конницею, въ которой онъ испытывалъ недостатокъ. Это мнѣніе подтверждаетъ и то обстоятельство, что онъ не преслѣдовалъ союзниковъ, одержавъ успѣхъ надъ ихъ войсками, и согласился вести мирныя переговоры, зная напередъ, что предложенныхъ вѣнскимъ кабинетомъ, съ согласія конечно союзниковъ, условій онъ не приметъ и принять не можетъ.

Моро пріѣхалъ въ Прагу „16-го августа, въ 8 часовъ вечера, говоритъ его спутникъ, т.-е. за день до перемирія“. По пріѣздѣ, онъ послалъ Свиньина и Рапателя къ Императору испросить его повелѣній. Государь поручилъ имъ изъяснить свое удовольствіе о пріѣздѣ Моро и сказать, чтобы онъ успокоился эту ночь отъ продолжительнаго пути, а на другой день въ 9 час. утра назначилъ ему аудіенцію, пославъ въ то же время къ нему одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ съ пріѣтствіемъ отъ своего лица. „На другой день въ 8 часовъ съ половиною, говоритъ Свиньинъ, я сходилъ съ лѣстницы, чтобы осмотрѣть, какъ встрѣтилъ на ей самого Государя, и едва успѣлъ предупредить генерала, какъ онъ вошелъ въ его комнату, обнялъ Моро и пробылъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ наединѣ. Проводивъ Государя, генераль подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ и сказалъ съ величайшимъ чувствомъ: „любезный Свиньинъ, что за человекъ Императоръ Александръ! съ этой минуты я обрекъ ему на жертву мою жизнь. И кто не отдастъ за него жизни? Всѣ тѣ похвалы, которыя я выражалъ ему, все высокое мнѣніе, которое я имѣлъ о немъ, несравненно ниже этого ангела кротости“. Силою личнаго обаянія обладалъ также и императоръ Наполеонъ; но въ этомъ обаяніи чувствовалось насиліе, которое каждую свою жертву, какъ побѣжденнаго, приковывало къ колесницѣ побѣдителя, при этомъ чувство преданности къ нему поддерживалъ въ послѣдствіи только безотчетный страхъ или—корысть. Сила обаянія, которою обладалъ Императоръ Александръ Павловичъ, была иного свойства: она была мягка, кротка и плѣнительна, какъ пѣсни баснословной сирены. Таковы свидѣтельства всѣхъ современниковъ, находившихся съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ. Впечатлѣніе, которое производили на другихъ тѣ лица, которыя стояли во главѣ великихъ и историческихъ происшествій и мнили, не безъ нѣкотораго основанія, что руководятъ ими, безъ сомнѣнія, важно въ отношеніи къ общему ходу этихъ событій. Но разговоръ съ глазу на глазъ русскаго Императора съ генераломъ Моро, который могъ бы бросить свѣтъ на непосредственно послѣдовавшія

потомъ событія, остается тайною. „Въ тотъ же самый день, продолжаетъ Свиньинъ, Моро былъ представленъ Его Величествомъ обѣимъ Великимъ Княгинямъ, а на другой день императору Францу, который между прочимъ благодарилъ его за мягкосердіе и человеколюбіе, которыми отличались его дѣйствія въ рейнскую войну въ отношеніи къ его подданнымъ. По пріѣздѣ прусскаго короля въ Прагу, Государь желалъ представить ему Моро; но, разсудивъ, что ему должно было на другой день ѣхать въ армію, и что едва остается время для собственныхъ своихъ приготовленій, послалъ его къ себѣ на квартиру, поручивъ дожидаться его повелѣній въ этомъ отношеніи. Мы находились въ такомъ ожиданіи, занимаясь укладываніемъ чемодановъ, какъ вдругъ растворились двери, и Императоръ вошелъ къ намъ съ прусскимъ королемъ. Подойдя къ Моро, Государь сказалъ: „Генераль, его величество прусскій король!“ Послѣ чего король обратился къ нему со слѣдующими словами: „я съ величайшимъ удовольствіемъ спѣшилъ посѣтить генерала, столь извѣстнаго своими высокими достоинствами и добродѣтелями“ и болѣе двухъ часовъ они оставались въ жаркихъ разговорахъ“. Съ присоединеніемъ къ союзу Австріи и ея войскъ къ войскамъ русскимъ и прусскимъ, должны были начаться рѣшительныя военныя дѣйствія противъ Наполеона. Конечно, они были предметомъ многочисленныхъ бесѣдъ и совѣщаній съ опытнымъ военачальникомъ, какъ Моро, понимавшимъ военный геній Наполеона и знавшимъ образъ его дѣйствій. Но для русскаго Императора пріѣздъ въ его главную квартиру Моро и въ то же время генерала Жомини, кажется, имѣли и другое значеніе. Употребивъ всѣ способы, чтобы привлечь къ наступательному союзу Австрію, чтобы не возбудить ея подозрѣній и не затронуть самолюбія, онъ рѣшился подчинить всѣ союзныя войска австрійскому фельдмаршалу и при томъ такому, какъ кн. Шварценбергъ, вовсе не выказавшій способности начальствовать надъ многочисленными арміями и руководить обширными военными дѣйствіями. Пребываніе при войскахъ самого Императора, конечно, могло имѣть вліяніе на военныя распоряженія. Не принимая прямо званія верховнаго военачальника, онъ однако же долженъ былъ силою обстоятельствъ сдѣлаться главнымъ ихъ распорядителемъ. При свойственномъ ему недоверію къ самому себѣ, онъ, безъ сомнѣнія, очень былъ радъ пріѣзду въ это время такихъ совѣтниковъ, какъ Жомини, и особенно Моро. Кромѣ обычной для Императора Александра простоты въ обхожденіи и особенно во время пребыванія въ главной квартирѣ

дѣйствующихъ войскъ, это обстоятельство объясняетъ то особенное изысканное вниманіе, которое онъ оказалъ ему не только самъ лично, но и со своими державными союзниками. Привыкшіе строго охранять свое величіе, быть можетъ, они не были довольны этимъ; но и на многихъ русскихъ, помнившихъ прежнія царствованія, оно произвело непріятное впечатлѣніе. „Въ Прагу пріѣхалъ, говоритъ адмиралъ Шишковъ, изъ Америки сосланный туда Наполеономъ, вмѣстѣ и сотоварищъ его и соперникъ, извѣстный французскій генералъ Моро, воевавшій нѣкогда противъ Суворова и побѣжденный имъ. Онъ принятъ былъ съ великою и, можно сказать, излишнею честью: россійскій Императоръ и король прусскій, какъ скоро услышали о его прибытіи, тотчасъ повѣхали къ нему съ поклономъ и поздравленіемъ“. Старому адмиралу это казалось недостойнымъ величія русскаго Государя и значенія русскаго народа. „Моро, конечно, былъ искусный и храбрый полководецъ, продолжаетъ онъ,—но мнѣ кажется, не было приличія двумъ самодержавнымъ главамъ тотчасъ поскакать къ нему, какъ бы къ нѣкому превышающему всѣхъ или съ небесъ ниспосланному существу. Полководцамъ нашимъ, несравненно славнѣйшимъ его, Румянцеву, Суворову, Кутузову, не было никогда оказано подобной чести. Если не своя, то народная гордость не долженствовала бы до сего допустить. Имѣть уваженіе къ достоинствамъ—хорошо; но съ нѣкоторымъ приличіемъ. Екатерина Великая умѣла цѣнить ихъ, но безъ униженія себя и народа своего“¹⁾.

Въ продолженіе десятидневнаго пребыванія при главной квартирѣ Моро неразлучно находился при императорахъ. Образъ военныхъ дѣйствій былъ утвержденъ въ Прагѣ, и войска находились въ движеніи къ Дрездену. 14 августа они стояли въ боевомъ порядкѣ передъ непріателемъ, защищавшимъ этотъ городъ. Весь этотъ день Моро былъ на конѣ, или сопровождая Императора, или обзрѣвая позиціи. Вечеромъ въ 8 часовъ, чтобы донести Государю о своихъ наблюденіяхъ, онъ проѣхалъ подъ градомъ непріятельскихъ гранатъ и картечей, такъ что сопутствовавшіе ему офицеры удивлялись, какъ могли они остаться цѣлы и невредимы. На другой день во время самой битвы, Моро снова, обзрѣвая расположеніе войскъ, замѣтилъ слабость лѣваго фланга и поскакалъ къ Императору, находившемуся при д. Рейнѣ противъ сада принца Антонія, гдѣ находился императоръ Наполеонъ. Несмотря на ненастную погоду

¹⁾ 200—210.

и сильный дождь, замѣтивъ, вѣроятно, большую свиту Государя на рейнскихъ высотахъ, батареи, устроенныя у этого сада, направили туда свои выстрѣлы. Подѣхавъ къ Императору и передавъ свои наблюденія, онъ замѣтилъ опасность положенія, въ которомъ онъ находился, и предложилъ переѣхать на другую высоту, съ которой одинаково, если не лучше, можно было безопасно обозрѣвать поприще битвы. Послѣдовавъ его совѣту, Государь повернулъ лошадь по узкой тропинкѣ и ѣхалъ рядомъ съ Моро. Передъ встрѣтившимся ручьемъ, какіе часто образуются въ горахъ во время сильныхъ дождей, его лошадь приостановилась. „Поѣзжайте впередъ, сказалъ ему Государь, а мы за вами“. Выдвинувшись немного впередъ, Моро продолжалъ говорить съ Государемъ: „Повѣрьте моей опытности...“ продолжалъ онъ рѣчь, и въ это мгновеніе французское ядро оторвало ему правую ногу, прошло черезъ лошадь и раздробило колѣно лѣвой ноги. Роковое ядро, поразившее Моро, точно такую опасностью угрожало русскому Государю, находившемуся въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него. Это обстоятельство, а равно и участіе къ судьбѣ человѣка, выражавшаго къ нему глубокую преданность, котораго дарованіями и опытностью онъ надѣялся воспользоваться какъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ еще болѣе въ будущихъ отношеніяхъ къ Франціи,—не могли не оставить глубокаго впечатлѣнія въ душѣ Государя, ибо русскій Императоръ не такъ смотрѣлъ на Францію, какъ его союзники, и не искалъ ея гибели; и отвлекли на время вниманіе Государя отъ хода сраженія. По совѣту Моро и Жомини Императоръ предписалъ Баркляю-де-Толли сойти съ занимаемыхъ имъ высотъ и дѣйствовать наступательно; но онъ не исполнилъ приказанія, найдя затруднительнымъ съ топкой равнины вновь ввести на гору свою артиллерию, т.-е. онъ рассчитывалъ на неудачу своего наступленія. Австрійцы, вслѣдствіе неудачныхъ распоряженій кн. Шварценберга, потерпѣли поражение на лѣвомъ крылѣ. Хотя сраженіе и не было проиграно и союзные государи намѣревались продолжать его на другой день,—но кн. Шварценбергъ настаивалъ на необходимости отступленія, оправдывая свое мнѣніе такими доводами, передъ которыми они должны были уступить: австрійскія войска, только-что вышедшія на поприще военныхъ дѣйствій, не имѣли ни продовольствія, ни боевыхъ запасовъ. Когда императоръ Наполеонъ узналъ объ участи Моро, онъ сказалъ герцогу Виченскому: „моя звѣзда, Коленкуръ, моя звѣзда! Смерть Моро будетъ олною изъ важныхъ страницъ въ моей исторіи“.

Когда послѣ пораженія Моро пришелъ въ себя, первое его слово было о Государѣ. Узнавъ отъ Рапателя, что Государь остался невредимъ, онъ сказалъ ему: „Умираю; но не печалься, мой другъ, пріятно умирать за правое дѣло и въ глазахъ Великаго Монарха“. 40 человекъ гренадеръ „надежныхъ, равнаго роста и сильныхъ“ при офицерѣ и 2-хъ унтеръ-офицерахъ, по распоряженію Государя, назначены были нести на носилкахъ изъ казачьихъ пикъ, покрытыхъ шинелями, раненаго Моро. Б. Вилье сдѣлалъ ему операцію въ первомъ попавшемъ домѣ въ д. Нетницъ. „Здѣсь немедленно, говоритъ очевидецъ, Вилье отнялъ ему правую ногу выше колѣна. Когда первая операція кончилась, генераль попросилъ его осмотрѣть хорошенько другую ногу и постараться спасти ее. Но, узнавъ, что это невозможно, сказалъ весьма хладнокровно: „Ну, такъ отымите ее, только поскорѣе“. Узнавъ во время операціи, что Государь прислалъ освѣдомиться о его положеніи, онъ подозвалъ посланнаго и, напередъ разспросивъ о движеніяхъ войскъ, поручилъ благодарить Государя за участіе. „Между тѣмъ два ядра ударили въ домъ, гдѣ находился Моро, и разрушили уголь горницы, въ которой онъ лежалъ“. Послѣ операціи, такимъ же порядкомъ понесли Моро въ г. Лаунъ, куда Императоръ послалъ флигель-адъютанта М. Ѳ. Орлова съ тою цѣлью, чтобы онъ извѣщалъ его о состояніи генерала. Въ Лаунѣ находился въ это время А. С. Шишковъ. „На третій день послѣ моего пріѣзда сюда, пошелъ я прогуляться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ вижу впереди себя нѣчто необыкновенное: навстрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Посреди сей толпы народа нѣсколько человекъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествіе тихое, подобное почти больному. Я сперва не зналъ, что такое, но вскорѣ отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: Моро, Моро! Я сначала подумалъ, что несутъ тѣло его, ибо по блѣдности лица невозможно было узнать, живъ ли онъ, или мертвъ; но вскорѣ увидалъ, что онъ поднялъ руку и, хватаясь за висѣвшую кисть, какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжкое страданіе и столь несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ и вездѣ слышны были ему похвалы...

„Другое зрѣлище было совсѣмъ противное сему. Я такъ же прогуливался по той же дорогѣ и вижу, что навстрѣчу мнѣ ѣдетъ коляска, въ которой сидитъ нашъ русскій фельдшеръ и

съ нимъ французскій генераль. Тотчасъ всѣ закричали Вандамъ, Вандамъ! и всѣ побѣжали за нимъ“. Подстрекаемый любопытствомъ, пошелъ въ городъ и А. С. Шишковъ и нашелъ почтовый домъ, окруженный толпою. „Иной говорилъ почтальону, смотря на коляску: зачѣмъ ты не запрягъ навозную телѣгу—и той для него много; другой: смотри, вези его тихонько, дай людямъ наплевать ему въ рожу; третій: опрокинь его гдѣ-нибудь такъ, чтобъ ему голову разможжить; четвертый: тебѣ бы вести его на свиньяхъ, а не на лошадяхъ“. Когда Вандамъ вышелъ, чтобъ сѣсть въ коляску, посыпались насмѣшливые и злобные возгласы: „что прикажешь въ Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, гдѣ грабилъ и неистовствовалъ Вардинъ? Добрый путь въ Сибирь. лови тамъ соболей, копай руду въ Нерчинскѣ, тигръ, крокодилъ, ядовитая змѣя“. „Вандамъ былъ въ чрезвычайной робости, говоритъ Шишковъ, поминутно кланялся во всѣ стороны. Смѣшно было видѣть его, откланивающегося съ трусостью на слова: „тигръ, крокодилъ“—конечно, очень понятныя ему“. Разказавъ эти двѣ встрѣчи, адмираль не устоялъ передъ соблазномъ вывести изъ нихъ правоученіе. „Сии два толь разныхъ зрѣлища доказываютъ, что какая бы ни была участь добраго и худого человѣка, добрый всегда счастливѣе худого; сей и въ счастіи только наружно, а тотъ и въ несчастіи внутренно благополученъ“. Но онъ могъ бы при этомъ случаѣ припомнить русскую пословицу, которая онъ такъ цѣнилъ: лежачаго не бьютъ, и если не отнестись съ презрѣніемъ къ нѣмцамъ, то добродушно пожалѣть о нихъ; но ненависть къ французамъ, хотя весьма естественная въ это время, заглушала въ немъ его благодушіе. Войска отступали, несли съ ними и Моро. 30 августа принесли его въ г. Лаунъ. „Дорога черезъ горы была ужасная, говоритъ не отлучавшійся отъ него Свиньянъ, и для здороваго человѣка весьма трудная, но генераль сносилъ всѣ трудности и неприятности, не подавъ ни малѣйшаго знака ослабленія. Въ этой необыкновенной крѣпости силъ, въ этомъ непоколебимомъ духѣ мы находили новыя причины къ надеждѣ, особливо послѣ первой перевязки, когда его раны были найдены въ самомъ лучшемъ положеніи. Безпрестанно должно было съ нимъ всходить на крутыя горы и спускаться внизъ. Часто быстрые потоки заграждали дорогу, или глубокія пропасти и kloкочущія бездны по обѣимъ сторонамъ тропинки едва позволяли держаться его носильщикамъ. Государь нѣсколько разъ подѣзжалъ къ страдальцу, утѣшалъ его, избѣгая всячески разговора, который бы могъ произвестъ въ

немъ волненъе. Я не въ состояніи также описать печали, чувствуемой всѣми войсками, посреди которыхъ мы проходили, при видѣ генерала, который за нѣсколько часовъ былъ предметомъ самыхъ лестныхъ надеждъ и ожиданій, жестоко раненаго на носилкахъ. Сколько я видѣлъ слезъ на лицахъ, покрытыхъ рубцами храбрости и славы, сколько видѣлъ я сердецъ твердыхъ и благородныхъ, не могшихъ сносить этого трогательнаго зрѣлища“. Моро желалъ, чтобы его перевезли въ Прагу. Опасеніе докторовъ, что онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы перенести путешествіе въ каретѣ, послужило ему поводомъ предложить, чтобы перевезли его водою. Съ этою цѣлью онъ потребовалъ карету. Можетъ быть и шумъ по улицамъ маленькаго городка, поднявшійся по случаю пріѣзда Вандама, поддержалъ въ немъ это желаніе. Узнавъ о причинѣ уличныхъ криковъ, онъ сказалъ: „давно пора лишить его возможности дѣлать зло“. Силы его постепенно слабѣли; онъ собралъ ихъ настолько, за 10 часовъ до смерти, чтобы собственноручно написать нѣсколько строкъ своей супругѣ. „Въ сраженіи при Дрезденѣ, писалъ онъ, три дня тому назадъ ядромъ оторвало у меня обѣ ноги. Негодный (соquin) Бонапартъ все еще счастливъ! Мнѣ сдѣлали операцію, какъ нельзя лучше. Хотя войска отступили, но это только для того, чтобы соединиться съ Блюхеромъ. Извини мое маранье, я люблю тебя и цѣлую отъ всего сердца. Поручаю Рапателю окончить письмо“. Послѣ того какъ онъ написалъ это письмо, ему „сдѣлалось хуже, говорилъ Свинынь, и во всю ночь 2 сентября онъ мучился икотою; но непримѣтно было, чтобы страдалъ. Онъ безпрестанно звонилъ свои часы и звалъ то меня, то Рапателя, желая диктовать письмо къ Государю. Наконецъ, въ половинѣ 7-го часа по утру, когда я оставался при немъ одинъ, онъ велѣлъ мнѣ взять перо и продиктовалъ слѣдующее: „Государь, я схожу въ гробъ съ тѣми же чувствами почтенія, удивленія и преданности, которыя Ваше Величество возбудило во мнѣ съ первой минуты моего приближенія къ Вашей особѣ“. Тутъ онъ закрылъ глаза. Я думалъ, что онъ размышлялъ о продолженіи письма и держалъ въ готовности перо, чтобы писать далѣе, но его уже не стало“.

Флигель-адъютантъ Орловъ, увѣдомляя Императора о кончинѣ Моро, испрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній: „куда должны быть перевезены его останки и какая земля будетъ такъ счастлива, чтобы принять ихъ въ свои пѣдра?“ Попеченіе объ

исполненіи погребальныхъ обязанностей по праву принадлежить полковнику Рапателю. Кто можетъ болѣе цѣнить его, какъ онъ, который зналъ и любилъ его въ продолженіе 30 лѣтъ? Когда въ главной квартирѣ возникъ вопросъ, гдѣ похоронить Моро, Государь сказалъ: „мнѣ слишкомъ дороги останки Моро, чтобы я могъ уступить ихъ кому-либо“. Тѣло Моро было перевезено въ Прагу и потомъ съ полковникомъ Рапателемъ отправлено въ Петербургъ для погребенія въ латинской церкви на Невскомъ проспектѣ, со всѣми почестями, подобающими фельдмаршалу. Похороны совершились 2 октября 1813 года ¹⁾. Свиньяна Императоръ отправилъ въ Лондонъ со слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ къ г-жѣ Моро. „Когда ужасное несчастіе, поразившее возлѣ меня генерала Моро, лишило меня дарованій и опытности этого великаго человѣка, я еще надѣялся, что попеченія о немъ сохранять его жизнь для его семейства и моей дружбы. Провидѣніе рѣшило иначе. Онъ умеръ, какъ жилъ, съ неизмѣнною силою души, твердой и непоколебимой. Въ земныхъ бѣдствіяхъ участіе другихъ составляетъ единственное утѣшеніе. Въ Россіи вы повсюду его найдете, и если вы разсудите избрать въ ней свое мѣстопробываніе, то я употреблю всѣ способы, чтобы сдѣлать пріятною жизнь той, которой почитаю священнымъ долгомъ быть утѣшителемъ и опорой. Прошу васъ неизмѣнно этому вѣрить и доводить до моего свѣдѣнія о всякомъ случаѣ, когда я могу быть вамъ полезнымъ, и писать прямо ко мнѣ. Предупреждать ваши желанія будетъ наслажденіемъ для меня. Дружба, которую я питаю къ вашему мужу, переходитъ за его могилу, и я не имѣю другого способа выразить ее хотя отчасти, какъ сдѣлавъ что-нибудь для благоденствія его семейства ²⁾).

Г-жа Моро не рѣшилась переселиться въ Россію и, благодаря Государя за милостивое предложеніе, просила обратить его на брата ея мужа и принять его въ русскую службу ³⁾.

Ал. Поповъ.

¹⁾ Сѣверн. Почта 1813. № 80 отъ 4 окт.

²⁾ Теплицъ, 6 сент. 1813.

³⁾ Лондонъ, 26 дек. 1813.